Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 267–274
Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 267–274
https://zhanry-rechi.sgu.ru https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-267-274, EDN: EJTXTR

Научная статья
УДК 821.111.09-131:398

Ценности власти в англосаксонском героическом эпосе раннего Средневековья

И. В. Палашевская[1✉], **В. В. Гогенко**[2]

[1]Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, пр. Университетский, д. 100
[2]Южный федеральный университет, Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105

Палашевская Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, irina_777@volsuru, https://orcid.org0000-0002-2719-8147
Гогенко Виктория Владимировна, старший преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов, gogenko-v@yandex.ru, https://orcid.org0000-0002-1971-9715

Аннотация. Статья выполнена в русле исторической лингвокультурологии и посвящена ценностям власти, формирующим ее образ в героическом эпосе англосаксонского общества раннего Средневековья. Материалом исследования послужила поэма «Беовульф». Рассматриваются стилистические особенности эпического жанра как формы кодификации, категоризации мира и идеологического воздействия в эпоху «доблести и хищничества» (Т. Веблен). Авторы акцентируют роль аллитерационного рисунка говорного стиха, «слов-картинок» (кеннингов и компаундов) и элементов звукового символизма, используемых в создании эпического сказания как вербального инструмента боевого настроя воинов в культуре публичного восхваления бесстрашия и готовности к войне.

Под ценностями власти понимаются значимые модели поведения и качества (добродетели), высоко ценимые в социальной практике этнической общностью и являющиеся знаками принадлежности к правящей элите. Такие образцы в форме ожиданий мотивируют героев поэмы совершать должные поступки, предписанные их позициями в социальной системе. Добродетели власти оказывали непосредственное влияние на то, как это общество функционировало. Их проявление открывало доступ к верховному положению в правящем слое. С точки зрения авторов, ключевая тема поэмы – статусное восхождение героя и преодоление препятствий на этом пути. Рассматриваются языковые средства и способы интродукции ценностей потестарной культуры. Анализируются значения слов, обозначающих должные качества субъекта власти, оценочные суждения афористического характера. Выделяются типы таких суждений (констатации, открытые призывы, оценочно-мотивировочные прескрипции – сравнительные и превосходные конструкции, императивы с модусом запрета и вменения в долг).

Ключевые слова: фольклорная традиция, жанр героического эпоса, ценности культуры, власть, престиж, паттерны поведения

Для цитирования: *Палашевская И. В., Гогенко В. В.* Ценности власти в англосаксонском героическом эпосе раннего Средневековья // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 267–274. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-267-274, EDN: EJTXTR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Values of power in Anglo-Saxon heroic epos of the early Middle Ages

I. V. Palashevskaya[1✉], **V. V. Gogenko**[2]

[1]Volgograd State University, 100 Prospect Universitetskij, Volgograd 400062, Russia
[2]Southern Federal University, 105 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russia

Irina V. Palashevskaya, irina_777@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-2719-8147
Victoria V. Gogenko, gogenko-v@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1971-9715

© Палашевская И. В., Гогенко В. В., 2023

Abstract. The concern of this study is to explore the values of power that form its images in Anglo-Saxon epic culture of the early Middle Ages. The research is based on the epic poem “Beowulf” and applies cultural approach to linguistic study of social phenomena.

Considering the stylistic features of the epic genre as a form of world codification, categorization and ideological influence in “the age of prowess and predatory life” (Thorstein Veblen), the authors emphasize the role of alliteration rhythmic patterns of the spoken verse, “words-pictures” (kennings and compounds), sound symbolism in verbal culture of fostering a the martial spirit of warriors in the culture of public praise, encouragement ferocity and enthusiasm for war.

Values of power, viewed as collective conceptions of what is good and desirable, shape patterns of behaviour and virtues demonstrations prevalent among people of a superior status. Such patterns in the form of expectations motivate the characters of the poem to perform the actions assigned to them by their social standing. Studying these virtues is an efficient way to capture and characterize society of the early Middle Ages, since they had a direct impact on how that society functioned. To gain entrance to the superior status, the main character had to be gifted with assumed traits. Thus, the key theme of the poem is how he fights his way up to the top of the honourable superior class. The authors analyse the language means of cultural values introduction, including words, denoting the proper qualities and actions, small stories and evaluative utterances of aphoristic nature, falling into different types (statements, open appeals, comparative and superlative constructions, positive and negative imperatives).

Keywords: folklore tradition, heroic epic genre, cultural values, power, prestige, virtues, patterns of action

For citation: Palashevskaya I. V., Gogenko V. V. Values of power in Anglo-Saxon heroic epos of the early Middle Ages. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 267–274 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-267-274, EDN: EJTXTR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Англосаксонский эпический мир поэмы «Беовульф» не перестает привлекать внимание исследователей. Изучение фрагментов этого мира продолжается и по сей день. Научный интерес к данному памятнику поэтического словотворчества притягивает его сюжетно-жанровое построение, специфический строй изобразительных средств, формульная техника эпического сказительства, древние, мифологические слои, ставшие актуальным компонентом британского литературного и кинематографического искусства современности. Вместе с тем ряд вопросов, которыми задаются специалисты в области германистики, еще не получили детального освещения. К таким вопросам относятся особенности представлений о власти, зарождающихся потестарных структурах раннесредневекового германского общества, его иерархическом социальном укладе и системе ценностей, отраженных в англосаксонской эпической традиции.

Как отмечает С. Ю. Неклюдов, «героический эпос связан с этническим самосознанием, формирующимся в процессе племенных консолидаций и появления раннегосударственных образований, хотя его активное бытование продолжается далеко за их пределами, когда сложившиеся формы получают актуальные осмысления (обычно – в духе “народного патриотизма”, опирающегося на квазиисторические образы) и ложатся в основу позднеэпических жанровых новообразований (балладных, романических, пародийных и др.)» [1: 23–24]. История германского героического эпоса восходит к эпохе Великого переселения народов (IV–VI вв.), завоевательных походов древнегерманских племен и образования на месте Римской империи новых государств. Самобытные, окрашенные древнеанглийским языковым колоритом коллективные сказания о кровавых сражениях, физических истреблениях и триумфах – мощный идеологический инструмент самоидентификации, утверждения и демонстрации статуса этноса как политического сообщества, его устрашающей воинственной силы, свободы, прав и привилегий в расстановке политических сил и территориальной перекройке раннесредневекового европейского мира.

Традиционно фольклорные жанры рассматриваются как явления неформальной, вернакулярной коммуникации. Их назначение заключается, прежде всего, в передаче от прошлого по каналам коммуникативной памяти культурно и социально значимых сообщений, ценного опыта, предопределяющего формы жизни и деяния последующих поколений. Отличительная особенность героических эпических сказаний – их нераздельная связь с властными институциональными структурами общества. Эпические песенные (речитативные) тексты складывались профессиональными сказителями при дворе конунгов для поддержки боевого настроя воинов и исполнялись перед схватками с врагом. «Дружинно-родовой быт – естественная почва для продукции профессиональной, эпико-лирической, для сбережения

эпической песни. Жизнь в дробных центрах, неизбежность столкновения, масса энергии в тесном кругозоре, жажда добычи, переходившая в жажду удальства – все это плодило сюжеты, тогда как память о прошлом обязывала человека …. И эта память хранилась. Оттуда значение певца, хранителя памяти, творца славы; ему всюду почет» [2: 320]. Согласно гипотезе, предложенной Ю. С. Неклюдовым, эпос умирает, когда прекращаются войны, основанные на рукопашной схватке [3: arzamas.academy.ru]. Песни о воинских доблестях и необходимом складе характера для успеха в поединке на поле сражения исчезают вместе с референтной реальностью.

****

Особое назначение эпоса, входящих в него преданий, требовало поэтического мастерства для создания жанровой формы как художественной вещи и действенного инструмента воздействия. Идеологическая функция и ориентированность эпических сказаний на воспроизведение способствовали использованию в них приемов фасцинации (метрически упорядоченного рисунка стиха, ритмического повтора созвучных слов, связанных аллитерацией, ассонансом, рифмой; звукоподражаний; семантически параллельных конструкций и т. п.). Интонационный строй эпической поэмы «Беовульф» направлен на ее произнесение в распевно-речитативной манере, при которой присутствуют ритмические ударения, что свойственно фидеистическим поэтическим текстам, «фольклорным заклятиям», имитирующим ритм действий человека и природы. Минимальной единицей эпического текста выступает краткая строка, которая, как отмечает Н. Ю. Гвоздецкая, служит для поэта ритмико-синтаксической формулой, элементом поэтической фразеологии и одновременно единицей наррации, участвующей в построении более крупного текстового единства – долгой строки [4: 33]. Функция первой краткой строки – идентификация, образная фиксация объектов, явлений окружающего мира. Функция второй – предикация, линейно-логическое развитие мысли [4: 35]. Средством обеспечения связности соседних долгих строк выступает «поэтическая вариация», которая обобщает предшествующие ей предикативные структуры, превращают динамику рассказа в статику картины: *Monig oft gesæt // rice to rune* (Bwf. 171–172) – «…многие часто усаживались // знатные на совет»; *Hæfdon swurd nacod, / þa wit on sund reon, // heard on handa* (Bwf. 539) – «имели меч обнаженный, / когда в море плыли, // твердый в руке» (здесь примеры и перевод Н. Ю. Гвоздецкой) [4: 36]. Аллитерация выделяет близкие по смыслу лексемы для актуализации ценностей раннесредневекового общества. Архаический язык, по образному замечанию О. М. Фрейденберг, «развертывает сам себя»: он варьирует одни и те же комплексы звуков с одной и той же семантикой [5: 75], служит средством матракажа, коммуникативной ре-актуализации ценносных смыслов, аффирмации идеологических установок. Ритмический строй поэтического текста призван завораживать, создавать почтительную тональность к сакральному прошлому, прославленным своими подвигами героям, родовым династиям, конунгам, дружинам, их завоеваниям.

Фасцинативность эпического текста создается также яркими, эмоционально насыщенными эмблематическими образами, захватывающими внимание адресата. Таковыми являются компаунды-перифразы, замещающие название объекта или имя персонажа: *guðwine* – guð + wine (Bwf. 1810) – *боевой друг* (о мече), *windgeard* – *wind* + *geard* (Bwf. 1224) – *обитель ветров* (о море), *lyftfloga* – *lyft* + *floga* (Bwf. 2315) – *летящий по воздуху* (о драконе), *wegflota* – *weg* + *flota* (Bwf. 1907) – *летящий по волнам* (о корабле), *beahgyfa* – *beah* + *gyfa* (Bwf. 1102) – *даритель сокровищ* (о правителе) и др.

К ключевым особенностям эпического текста как свидетельства особого мировосприятия, явления раннесредневековой лингвокультуры, ее словесной традиции относится непроизвольность языкового знака, внутренняя обусловленность используемого слова, раскрывающая бытийную, экзистенциальную суть объекта или субъекта, которые этим словом обозначаются, его предназначение в системе мироустройства. Взаимосвязь между означающим и означаемым может быть прямой (*hringas dælan* (Bwf. 1970) – *кольцедаритель; sinces brytta* (Bwf. 2071) – *распределитель сокровищ*), метонимической (*hrefne to hroðre* (Bwf. 2448a) – *удовольствие для ворона* (о павших в бою), *ganotes bæð* (Bwf. 1861b) – *купальня морских птиц* (о море)), метафорической (*beadoleoma* – *beado* + *leóma* (Bwf 1523) – *луч сражения* (о мече), *heofones gim* (Bwf. 2073) – *неба драгоценность* (о солнце)) и направлена на формирование определенного мировосприятия. Данное свойство превращало слова в идеальный риторический инструмент кодификации и категоризации мира.

С семиотической точки зрения, как отмечает А. В. Олянич, сложные слова – «знаки-презентемы», «набор образных компонентов значения, семантическая картинка-образ, конденсирующая наиболее важные свойства или качества объекта, субъекта, действия, состояния, события или явления, делающая

их привлекательными» [6: 282]. Древнеанглийская поэзия изобилует сложносоставными «словами-картинками», идеально согласующимися с размером стиха. Кеннинги, компаунды – своего рода «театрализованный намек на реальную социальную ситуацию, социальную пьесу» [6: 282]. Коммуникация посредством такого рода слов приобретает черты визуализации реальности и, таким образом, воздействия на ее участников. Заключая в себе прескрипции действий, связанных с обозначаемыми ими объектами, свернутый сюжет социально значимых событий, они способствуют их воспроизведению, ре-драматизации. Так, например, такие обозначения дворцового сооружения, как *medoheal* (Bwf. 484, 638) – *медовый зал*, *трапезная*; *beahsele* (Bwf. 1177) – *палата для дарения колец*; *goldsele* (Bwf. 715) – *золотая палата*, *дворец*; *gifhealle* (Bwf. 838) – *хором для раздачи даров*, связывают архитектурный объект с его функцией в устройстве социального мира данов и соответствующими моделями поведения в нем, выступают «шапками» ритуальных структур, основанных на подвиге и вознаграждении. Особую роль в этих акциональных структурах играли медовый напиток и дары (*Bruc ðisses beages, / Beowulf leofa, // hyse mid hæle, / 7 þisses hrægles neot* (Bwf. 1216–1217) – *Прими кольца эти, / дорогой Беовульф, // притянувший удачу, / прими и кольчугу ладную*), о чем свидетельствует множественность лексем, связанных с культурой пира и дара, демонстративного потребления и траты правящей элиты (*meodosetla*, *medubenc* (Bwf. 5, 775) – *скамьи для медовых пиршеств*; *meduscenc* (Bwf. 1983) – *сосуд для меда*, *medoful* (Bwf. 624) – *медовая чаша*, *medudream* (Bwf. 2019) – *медовое веселье*; *medowang* (Bwf. 1643) – *долина медового чертога*; *medostig* (Bwf. 924) – *дорога, ведущая к нему* и т.п).

Ритмически чередуемые кластеры фонем воссоздают синхронные и фоновые шумы: звуки битвы, поединка с врагом (***byrn**an **hrin**gdon* (Bwf. 328) – *кольчуги звенели*, ***swe**ordes **swe**ngum* (Bwf. 2386) – *взмахом меча*; *Ðǣr wæs on blōde / **brim** w**eallend**e, // atol ȳða ge**swing**/**eal** gem**enged*** (Bwf. 847–848) – *Там была от крови / вода, клокочущая, // смертельный волн вихрь, / с кровью горячей мешанный*); пира, раздающегося смеха, голосов, поэтической речи, музыкальных инструментов (*Ðær wæs hæleþa **hl**eahtor, / **hlyn swyns**ode* (Bwf. 611) – *Там воинов смех,/звон раздавался*; *þær wæs hearpan **sw**eg, // **sw**utol **s**ang **s**copes* (Bwf. 89b – 90a) – *Там арфа звучала, / песнь ладная скопа*); мира врага (***gr**im ond **gr**ædig* (Bwf. 121 a) – *сумрачный и алчный*, ***gr**imne **gryr**elicne **gr**undhyrdea* (Bwf. 2136) – *мрачная, свирепая глубин владычица*, ***gr**imlic **gryr**egist* (Bwf. 3041a) – *страшный гость*), звуки проглатываемой им крови (***synsnædum swealh*** (Bwf. 743a)); волн, затягивающих в море прибрежный песок (***s**treamas **wund**on, / **sund w**ið **s**ande* (Bwf. 212–213) – *волны бились, / воды о песок*) и т. п.

***

Расцвет данного жанра, его продуктивность, приходится на период развития культуры, которы. Т. Веблен назвал «эпохой доблести и хищничества» с ее ценностными доминантами воинственного духа, агрессии в форме боевых действий, добычей. Эпическая форма воспевает определенные качества (приверженность своему клану, жестокость, несгибаемая воля, упорство в достижении цели, владение оружием, искусством рукопашного боя) и соответствующие модели поведения, с которыми этносы должны выстраивать свой образ жизни в условиях сурового соперничества за выживание и статус. Условия непрестанной вражды, как отмечае. Т. Веблен, благоприятствуют тем индивидам и тем генеалогическим линиям, которые в относительно малой степени обладают миролюбивыми чертами дикарей [7: 104].

Военная слава, способность к добыванию, накоплению и длительному владению богатствами лежали в основе формирования правящих элит этнических сообществ. В поэме «Беовульф» власть сосредоточена в руках военизированного объединения, обозначаемого древнеанглийской лексемой *dryht* ‘окружение, свита, люди конунга’, ‘дружина, образование дружинного типа’ (*Hroþgar gewat / mid his hæleþa gedryht // eodur Scyldinga, / ut of healle…* (Bwf. 661) – *Хродгар вышел, с ним его любимая дружина, опора Скильдингов из зала*). Окружение верховного субъекта власти (*dryhten*) предстает тем миром, который А. Шюц назвал «Umwelt» – миром, ближе всего к телу персоны [8: 195, 201]. Это преимущественно мужской мир с «гегемонным» типом маскулинности, связанным с социальным статусом воина и подразумевающим, прежде всего, демонстрацию силы и воинских доблестей, ношение оружия, совершение военных подвигов и добывание славы. В основе такого рода объединений лежала добровольность служебно-договорных отношений, принадлежность знатному роду, подчинение вождю, преданная ему служба, гарантированная клятвой и воинской честью, система средств превосходства и подчинения, а также выстраивания иерархий по почету между теми, кто по статусу находился в отношениях паритета (что выражено, в частности, в порядке одаривания, ценности даров за службу, рассадке

за трапезными столами отличившихся в бою воинов во время пиров) [об «иерархиях равных» см. подробно: 9: 271–286]. Эти иерархии номинативно и церемониально оформлены, проигрываются в ритуалах власти.

К признакам *dryht* относятся: общность пространства и времени, снабжение «из рук господина» (*heorðgeneatas* ‘товарищи по очагу’, *beodgeneatas* ‘сотрапезники’), взаимная поддержка (*eaxlgestealla* ‘товарищ по оружию, боевой друг’), участие приближенных в совете господина (*min runwita*, *min rædbora*, *fyrnwita, fyrnwitan* ‘мудрец’); система разделяемых ценностей и добродетелей, соответствующие образцы действий и образ жизни; церемонии и ритуалы, обеспечивающие консолидацию группы и одновременно выполнявшие функцию ее самопрезентации. В ближайшее окружение конунга (*gedryht* ‘люди, объединенные общей деятельностью’) входили воины знатного, благородного происхождения (*æðelhæleð* ‘благородный воин-герой’, *æþelinges* ‘знатные люди, знать’) – эрлы (*eorl*), стремящиеся приумножить славу рода, и свободные служилые люди – тэны (*þegn*), добывание славы в битвах для которых было основным занятием: *minra eorla gedryht* (Bwf. 431) – *моя эрлов дружина*).

Следует заметить, что, кроме лексемы *dryht* (*gedryht*), в древнеанглийском языке выделяется целый ряд единиц, объединенных доминантной семой ‘воинское формирование’: *werod, duguþ, geogoþ, fultum, fierd, here, sciphere, landhere*. *Werod* употребляется в качестве собирательного существительного для обозначения разнородной дружины (*wið wrað werod wearde healdan* (Bwf. 319) – *с суровой дружиной охранять границу*. *Duguþ* означает опытное, зрелое войско. *Geogoþ* – войско молодых воинов (*þæt seo geogoð geweox magodriht micel* (Bwf. 66–7) – *То войско молодое выросло в войско многочисленное*). *Fultum* – войско, пришедшее на помощь из других земель (*Hi ða sende to Angle heton heom sendan mare fultum* (Chr. 449) – *Тогда отправили они к англам за помощью с просьбой прислать большое войско*). *Fierd* – большая дружина, армия народа (*He þa swa dyde, mid fierde fór ofer Mierce on Norþwalas, hie him alle gehiersume dydon* (Chr. 853) – *Он так и поступил, с армией отправился через Мерсию в Северный Уэльс и жители ему подчинились*). *Here* употребляется исключительно при обозначении воинских формирований врага (*Her sæt hęþen here on Tenet genamon friþ wiþ Cantwarum* (Chr. 865) – *В том году армия язычников обосновалась на острове Танет и заключила мир с жителями Кента*). Лексема *here* используется в составе сложных существительных: *sciphere* – атакующий флот, *landhere* – сухопутное войско.

В отличие от этих восьми лексем, *gedryht* связана с идентификацией воинов в системе статусов, их принадлежности к верхушке, правящему слою в социальной иерархии, ближайшему окружению конунга как в битве, так и мирной жизни.

***

Принадлежность к верхним слоям общества открывала доступ к определенным благам (владение землей и редкими предметами: ценная утварь, золото, драгоценные камни, искусно изготовленное оружие и доспехи, боевые кони, морские средства передвижения). Как отмечает А. Я. Гуревич, в этих ценностях материализуются власть, личное могущество, магически понимаемые «удача» и «везенье» [10: 439]. Быть частью правящего меньшинства, которым восхищались, было престижно (*ðær wæs Beowulfes mærðo* (Bwf. 856–57) – *То была слава Беовульфа*). Согласно М. Веберу, стремление к престижу – явление, распространенное внутри всех властных образований [11: 282]. Власть опирается на чувство престижа. При этом группе индивидов должно быть присуще специфическое чувство солидарности, возникающее из разделяемых ценностей и общей судьбы и противопоставляющее их другим социальным группам [11: 292]. Честь (Ehre), престиж по М. Веберу – достоинство, право на уважение, а также на определенные привилегии [11: 381] (выражаемые, например, эмблематическими знаками оказания чести, которые включали особые персональные интродуктивы и вокативы, право на участие в церемониях и ритуалах власти, приближенность к конунгу, получаемые от него дары, особые поручения (например, вверение судьбы сокровищницы данов)).

Элитный статус требовал определенного образа жизни, следования значимым моделям поведения, проявления исключительных качеств – того, чему стремились подражать и что являлось коллективной ценностью. Согласно исследованиям А. Макинтайра, в героических обществах добродетель – качество, проявление которого позволяло человеку делать то, что требовала его социальная роль. Например, ключевыми добродетелями субъекта власти являлись те, которые позволяли получить превосходство в сражении и мирной жизни. Человек, делавший то, что ему предписано социальной ролью, неизбежно двигался к своей судьбе. Его жизнь имела форму истории, схватываемую эпическим нарративом [12: 169–181].

Исследование системы представлений о достоинствах, которые подданные хотели бы видеть у своего правителя, открывает понимание смысла таких оценочных суждений, как

Þæt wæs god cyning (Bwf. 2390) – *То был хороший конунг* Данные представления выражены в семантике языковых единиц, эксплицирующих должные качества и модели поведения субъекта власти (*helm Scyldinga – шлем Скильдингов* (кеннинг), т. е. защита Скильдингов (о Хродгаре – предводителе войска, но также правителе), *eodor Scyldinga – заступник, покровитель Скильдингов*, *folces hyrde*, *frod folces weard – защитник, мудрый охранитель народа*

Защита от внешнего врага была сопряжена с насилием вовне, разрушительными действиями, готовность к которым обусловлена стремлением к добыче и дани, господству над территориями и людьми: *Oft Scyld Scefing sceaþena þreatum // monegum mægþum, meodosetla ofteah, // egsode eorlas… weorðmyndum þah, // oðþæt him æghwylc þara ymbsittendra // ofer hronrade hyran scolde // gomban gyldan. Þæt wæs god cyning!* (Bwf. 4–11)*. – Часто Скильд Скевинг врагов войска, многих недругов от скамей медовых отрывал, ужас вселял в их предводителей … с тех пор племенам соседним пришлось покориться, дорогой китов дань доставлять ему. То славный был конунг!* Пример эксплицирует представления о власти, основанной на принуждении, данническом подчинении, гарантируемом физическим насилием и уничтожением

Набеги, грабежи, покорение близлежащих земель преследовали не только экономические интересы; это также акты самоутверждения, демонстрации мощи народов, их принадлежности к отмеченным поэтической традицией победителям (*Weder-Geatas, Gar-Dene – грозагеаты*, *копье-даны*) Отсюда описания предводителей воинов, наделяющие их неотразимой разрушительной силой (*þæt he ne mette middangeardes … on elran men mundgripe maran* (Bwf. 751–753) – *Нет в мире среднем … людей с хваткой руки сильней* (о Беовульфе)), а также упоминания о хищных змеиных узорах на мечах (*wyrmfah' sword* (Bwf. 1698a)), и боевого знака «головы вепря» на шлемах воинов и стягах (*eafor heafodsegn* (Bwf. 2152)

Физическое насилие применялось в отношении чужих (*… ic mid sweorde ofsloh niceras nigene* (Bwf. 574) – *… с помощью меча убил я девять чудовищ*). В то же время ценностные императивы, «кодекс чести» требовал от воинов готовности жертвовать собой. Как отмечает М. Вебер, «в человеке вырабатывается готовность к смерти, это порождает постоянный особый эмоциональный настрой. Общие судьбы, т. е. в первую очередь сражения с врагом не на жизнь, а на смерть, порождают общность памяти, которая спаивает сильнее, чем узы общей культуры, языка или происхождения» [11: 274].

Отношения между конунгом и его дружиной основывались, в частности, на материальном обмене: воин «продавал» свою силу конунгу, участвовал в походах в обмен на дары и землю. Огромную роль при этом играло вознаграждение как мера успеха (славы) и символ статусного положения воина в дружинной среде. В отношении меры этой щедрости интерес вызывает признание Хродгара о том, что его воины не всегда заслуживали щедрой награды: *Ful oft ic for læssan lean teohhode // hordweorþunge hnahran rince // sæmran æt sæcce* (Bwf. 951–3) – *Часто одаривал я за меньшую службу, честь приумножив воинов, в битве не столь достойных* Власть конунга, таким образом, зависела от той выгоды, которую она сулила своим подданным.

С данных позиций поучительна история о Херемоде (Heremod), рассказанная Хротгаром в назидание Беовульву. В отличие от Хродгара, вознаграждавшего своих людей даже за неудачные попытки одолеть чудовище, Херемод, ослепленный властью, не жаловал ратникам золота за риск, на который они шли в его походах. В поэме Херемод сеет распри, убивает разделявших с ним трапезу товарищей – *beodgeneatas* (Bwf. 1713), воинов, стоявших с ним плечом к плечу в строю – *eaxlgesteallan* (Bwf. 1714), не дарует кольца данам: *Nallas beagas geaf Denum æfter dome* (Bwf. 1719–172). Однако, как повествует поэма, существовал способ борьбы со злоупотреблением властью. Жадный, своевольный конунг-тиран, был изгнан собственным народом отдан «во власть тьмы» – *on feonda geweald* (Bwf. 903) – и убит врагами

Отношения конунга и воина включали не только экономический аспект, но и повиновение власти, подчинение на основании клятвы. Так, Хродгар (Hrōþgār) после того, как был возведен медовый Хеорот, не забыл своей клятвы (*beot*), устроил пир и раздал людям золото: *He beot ne aleh / beagas dælde, // sinc æt symle* (Bwf. 80–81) – *Он клятвы не нарушил, кольца раздал, сокровища на пиру* Воин, произнесший клятву, не мог отказаться от участия в битве, страшась врага: *Gemunde þa se goda, mæg Higelaces // æfenspræce. Uplang astod // ond him fæste wiðfeng Fingras burston* (Bwf. 758–60) – *Вспомнил добрый воин, сродник Хигелака, слово свое вечернее. Прямо встал крепко врага схватил. Пясти захрустели*

Наиболее ярко ценностные представления о субъектах власти находят выражение в лаконичных, стилистически оформленных, стремящихся к афористической сжатости речениях, при формулировании которых используются:

1) **обобщенные констатации** (*Wyrd oft nereð unfægne eorl þonne his ellen deah* (Bwf. 572–573) – *Судьба часто спасает обреченного эрла, когда его храбрость велика*; *Sinc eaðe mæg, gold on grunde gumcynnes gehwone oferhigian…* (Bwf. 2764–2766) – *Сокровищем, золотом в земле можно легко сокрушить любого из рода людского*); 2) **открытые призывы** (*Gemyne mærþo, mægenellen suð, waca wið wraþum* (Bwf. 659–560) – *Думай о славе, прояви великое мужество, стереги врага*; 3) **оценочные прескрипции** – сравнительные и превосходные конструкции, в которых оценочные слова заключают в себе предписание и вводят в фокус то, что следует осуществить (*Forþan bið andgit æghwær **selest**, ferhðes foreþanc* (Bwf. 1059–1060) – *Мудрость – лучшее качество, души прозорливость*; ***Selre** bið æghwæm þæt he his freond wrece þonne he fela murne* (Bwf. 1384 –1385) – *Лучше отомстить за друга, чем сильно горевать о нем*); 4) **императивы с модусом запрета** (*Sibb æfre **ne mæg** wiht onwendan, þam ðe wel þenceð* (Bwf. 2600–2601) – *Родство никогда не может быть отброшено в сторону для того, кто мыслит правильно*); 5) **долженствования** (*Lofdædum **sceal** in mægþa gehwære man geþeon* (Bwf. 24–25) – *Должно делать так, чтобы в племени каждый человек процветал*

В ряде случаев для экспликации ценностного смысла используется речевая формула *swa sceal / swa sceal man don* – так должно поступать: ***Swa sceal** geong guma gode gewyrcean // fromum feohgiftum on fæder bearme, // þæt hine on ylde eft gewunigen // wilgesiþas þonne wig cume // leode gelæsten* (Bwf. 18–22) – *Так должно молодому воину быть добрым на дела и щедрым на дары подданным его отца, чтобы в зрелости они поддержали его – народ поддержал его, когда придет война*

***

«Беовульф», с рассмотренных позиций, – описание образа жизни, который соответствует представлению об идеале человеческого сосуществования в определенную эпоху, и особого типа личности, которая этот образ может воплотить [12]. Одна из ключевых тем поэмы – восхождение героя к власти процесс избирательного доступа к верховному положению в правящем слое общества. На первый план выдвигается потенциал человека, наделенного необходимыми качествами и преодолевающего барьеры на этом пути. Уничтожение чудовищ при этом является необходимой составляющей статусного восхождения. Ценностными доминантами в эпическом тексте выступают бесстрашие, жертвенный героизм, несгибаемая воля, слава, добытая в сражениях и достойных делах, а также политическая прозорливость Если «в героическом мифе и сказке испытания нередко выступают в форме “трудных задач”, задаваемых испытателями герою, а сами задачи иной раз вуалируют попытку изведения героя» или «временного изгнания героя из социума» [13: 22], то Беовульф сам отправляется к данам, рискуя при этом благополучием своего народа, сохранявшего нейтралитет в войне данов с Гренделем. Победа, добытая в сражении с чудовищами, принесла Беовульфу славу, а геатам и данам прочный мир (*Hafast þu gefered / þæt þam folcum sceal // Geata leodum ond Gardenum* (Bwf. 1855–65)

Власть в эпическом тексте связана с положением в системе статусов (power of position), предполагающим проявление выдающихся качеств или добродетелей. Обладающий властью должен быть знатного рода, щедрым и мудрым, учитывать интересы своего окружения; он должен подчиняться своему слову (закону), быть верным клятве, направленной к всеобщему благу, готовым к отмщению, беспощадным с врагами, стремиться к приумножению своей славы. Поэма «Беовульф», входящие в нее сказания о конунгах, родовых династиях и их славе, добытой в бою, – инструмент групповой идентификации, консолидации и самопрезентации властвующей элиты. Ее герои – образы лучших представителей описываемого раннесредневекового общества, которые управляли этим обществом. Ценностный компонент действий власти придавал ей особую социальную значимость и привлекательность для подданных, в которых она нуждалась.

ИСТОЧНИКИ

1. Bwf. – Beowulf (online edition). The British Library and The University of Kentucky College of Arts & Sciences, 2015. Available at: https://ebeowulf.uky.edu (accessed June 20, 2022).

2. Ch. – Anglo-Saxon Chronicle. Available at: http://asc.jebbo.co.uk (accessed June 20, 2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Неклюдов С. Ю.* Поэтика эпического повествования: пространство и время. М. : Форум, 2015. 215 с.

2. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л. : Гослитиздат, 1940. 648 с.

3. *Петров Н.* Фольклор не умрет никогда. URL: https://arzamas.academy/materials/602 (дата обращения: 21.06.2022).

4. *Гвоздецкая Н. Ю.* Пролегомены к текстоцентрическому описанию семантики древнеанглийского поэтического слова // Philologica Scandinavica: сб. статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2003. С. 28–42.

5. *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М. : Восточная литература РАН, 1998. 798 с.

6. *Олянич А. В.* Презентационная теория дискурса. М. : Гнозис, 2007. 407 с.

7. *Veblen T.* The Theory of the Leisure Class: an Economic Study in the Evolution of Institutions. New York : Macmillan, 1899. VIII. 400 p.

8. *Шютц (Шюц) А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

9. *Шелина Е. А.* О некоторых способах построения «иерархий равных» в период «Второго Средневековья» // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 271–286.

10. *Гуревич А. Я.* История – нескончаемый спор. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2005. 889 с.

11. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. Т. II. Общности. 429 с.

12. *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали. М. : Академический Проект, 2000. 384 с.

13. *Мелетинский Е. М.* О литературных архетипах. М. : Рос. гос. гум. ун-т, 1994. 136 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 4).

REFERENCES

1. Neklyudov S. Yu. *Poetika epicheskogo povestvovaniya: prostranstvo i vremya* [Poetics of Epic Narrative: Space and Time]. Moscow, Forum, 2015. 216 p. (in Russian).

2. Veselovsky A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Leningrad, Goslitizdat, 1940. 648 p. (in Russian).

3. Petrov N. *Fol'klor ne umret nikogda* [Folklore never die]. Available at: https://arzamas.academy/materials/602 (accessed June 21, 2022) (in Russian).

4. Gvozdeczkaya N. Yu. Prolegomena to the text-centric description of the Old English poetic word semantics. In: *Philologica Scandinavica: coll. arts to the 100th anniversary of the birth of M. I. Steblin-Kamensry*. Saint Petersburg, Philological Faculty of St. Petersburg State University Publ., 2003, pp. 28–42 (in Russian).

5. Freydenberg O. M. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and Antiquity]. Moscow, Vostochnaya Literatura, Russian Academy of Sciences, 1998. 798 p. (in Russian).

6. Olyanich A. V. *Prezentatsionnaya teoriya diskursa* [Presentation theory of discourse]. Moscow, Gnosis, 2007. 407 p. (in Russian).

7. Veblen T. *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions*. New York, Macmillan, 1899. VIII. 400 p. (in Russian).

8. Schutz A. *Smyslovaja struktura povsednevnogo mira. Ocherki po fenomenologicheskoj sociologii* [Semantic Structure of the Everyday World: Essays on Phenomenological Sociology]. Moscow, Institut fonda "Obshhestvennoe mnenie" – public opinion fund Publ., 2003. 336 p. (in Russian).

9. Shelina E. Certain ways to construct the "Hierarchies among the Equals" during the Second Middle Ages. *Dialogue with Time. Intellectual history review*, 2018, iss. 65, pp. 271–286 (in Russian).

10. Gurevich A. Ya. *Istoriya – neskonchaemyi spor* [History: A Never-ceasing Dispute]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2005. 384 p. (in Russian).

11. Weber M. *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii. T. 2. Obshchnosti* [Economy and Society: Essays in Understanding Sociology. Vol. 2. Communities]. Moscow, izdatel'skiy Dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2017. 429 p. (in Russian).

12. Macintyre A. *Posle dobrodeteli: issledovaniya teorii morali* [After Virtue: a Study in Moral Theory]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2000. 384 p. (in Russian).

13. Meletinsky E. M. *O literaturnykh arkhetipakh. Chteniya po istorii i teorii kul'tury. Vyp. 4* [On Literary Archetypes. Readings on history and theory of culture, iss. 4]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1994. 136 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 29.08.2022

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 29.08.2022